

ДЕГТЯРЕВ В. П.

ПЛЮРАЛИЗАЦИЯ ИМЕН СОБИРАТЕЛЬНЫХ В ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Наиболее значительные, структурно-типологические изменения категории числа в истории славянских языков, отраженные в письменности и диалектах, связаны с падением категории единичности и преобразованием древних типов имен собирательных (далее — собир.) в грамматические формы множественного числа.

Противопоставление множественности и единичности и различение двух типов множеств — собирательного и раздельного исконны для вербального мышления. Сравнительное историко-генетическое исследование категории числа в славянских языках показало, что архаические средства выражения множественности имели неформализованный — лексический или словообразовательный характер и категорию числа первоначально отличали определенные черты словообразовательной категории [1]. В праславянском языковом состоянии категория числа включала два типа функционально равноценных парадигм — словообразовательную, в которой противопоставлялись в функции выражения единственного и множественного числа имена единичные и собир., оформленные в ед. или во мн. числе (соотношение типа *господа* — *господинъ* или *словѣне* — *словѣнинъ*), и словоизменительную — флективно выраженное противопоставление ряда грамматических форм ед., мн. и дв. числа. В общую парадигму числа входили слова (словообразовательные формы ед. или мн. числа) и грамматические (словоизменительные) формы от тех же производящих основ. В некоторой степени такое состояние отражают данные древней письменности славянских языков. В старопольском формой мн. числа слова *brat* служило собир. ед. ч. *braciâ*. Вместе с тем польск. *brat*, по данным письменности XV—XVI вв., имело две парадигмы форм мн. числа: первый ряд составляли падежные формы ед. ч. собир. *braciâ*, второй — формы косвенных падежей простого мн. числа: род. п. *bratów*, дат. п. *bratom*, вин. п. *braty*, твор. п. *braty*, местн. п. (о) *bratoch*, *braciech*, а в им. пад. оба ряда объединялись одной общей формой — собир. ед. ч. *braciâ*. Ожидаемой формы им. п. мн. ч. *brati* не существовало. По данным словаря польского языка XVI в., собир. *braciâ* зафиксировано в письменности 2 220 раз, а простые формы мн. числа (только в косвенных падежах) — немногим более 150. О преимущественном использовании собир. *braciâ* в функции формы мн. числа свидетельствует также сочетаемость его с количественными числительными (в источниках XVI в. типа *dwa braciâ*, *ze dwoma braciâ*), ср. то же и в старочешском: *tři bratři*, *dva bratři*. В старейших памятниках древнерусской письменности и в старославянской книжности не обнаружена морфологически правильная форма им. пад. мн. числа *братя*, ее место занимает собир. ед. ч. *братия*, которое употребляется и в сочетании с количественным числительным, например: др.-русск. *три братия* (Син. пат., л. 9 об); *•Г• братья* (Пов. вр. лет по Лавр. сп., л. 3 об,

л. 7, л. 7 об). Это убедительно свидетельствует о том, что собир. *братия* занимает здесь позицию грамматической формы мн. числа, хотя и оформлено в ед. числе. Ту же функцию формы мн. числа выполняли др.-болг. собир. *братия* (>*братя*), др.-чеш. собир. *bratřie*, ст.-слав. *bratia*, др.-серб. *bratja* (*bràħa*), словен. *bràtja*, в.-луж. *bratřa*, н.-луж. *bratša* и др. Практически, когда необходимо было выразить значение мн. числа «братья», применялось имя собир. Формы мн. числа типа ст.-русск. и ст.-укр. *брати*, ст.-хорв. *brati*, чеш. *bratři* образовались позже и применялись для выражения конкретных, количественно ограниченных, определенных множеств известных лиц. Это раскрывает первоначальное соотношение имен собир., оформленных в ед. числе, и грамматических форм мн. числа. Объединяясь общей функцией, они различались семантически: имена собир. представляли множество именованно-качественно и обобщенно, а простые формы мн. числа выражали конкретные, ограниченные множества, поэтому они чаще всего встречаются в сочетании с количественными числительными при обозначении счета, тогда как в номинативной функции обычно употребляются собир. существительные. Диагностическими признаками собир. значения имени существительного в древних славянских языках являются соотносительность его с формой единичности и сочетаемость с собир. числительными, например: др.-русск. *челядь* — *челядинъ* и *осьмеро челяди*. Специальные сингулятивные формы на *-ин* образовывались только от личных основ. По этим признакам установлено, что собир. значения выражались и формами мн. числа, ср. *людие* — *людинъ*, ст.-слав. *двои людие*; *граждане* — *гражданинъ*, *двое граждан* и под. Таким образом, архаическое состояние грамматического строя славянских языков в отношении категории числа характеризовалось сочетанием и взаимодействием явлений словообразования и словоизменения.

Выразительные черты словообразовательного, лексико-грамматического характера числа проявляются в том, что древнейшие типы имен собир. в праславянском языке и в старшие эпохи самостоятельного развития славянских языков, как и в праиндоевропейском языковом состоянии, функционировали в роли выразителей множественности — самостоятельно или наряду с простыми грамматическими формами мн. числа, восполняя тем самым недостаточное на определенных участках системы развитие формализованных средств выражения количественных отношений. Вместе с тем процесс становления формализованной, грамматической парадигмы числа (парадигматизация), начавшийся на праиндоевропейской основе, продолжался и в старший исторический период развития славянских языков. Об этом свидетельствует плюрализация имен собир. как проявление общего процесса грамматикализации слов и словообразовательных типов вследствие абстрагирования семантики собир. форм мн. числа, обобщения и унификации значений множественности. Исторически собир. формы мн. числа, соотносительные с сингулятивами на *-ин*, абстрагируют значение множественности и таким образом утрачивают оттенок собирательности, растворяясь в общей массе грамматических форм мн. числа. С этим связан диахронический процесс падения форм единичности. Так, собир. мн. ч. *людие* утратило соотносительность с ед. ч. *людинъ*, вышедшим из употребления, и включилось в более абстрактное, нейтральное по смыслу противопоставление с ед. ч. *человек*. По существу происходит утрата категории единичности, вместе с тем изменяется соотношение сингулятивных и собир. форм. Так, формы ед. ч. на *-анин*, соотносительные с формами мн. ч. на *-ане* (*-*ēne*/*-*janē*), теряют суф. единичности *-ин* вследствие выравнивания основы по типу форм мн. числа. Этот процесс охватил за-

падные и южные славянские языки, особенно глубоко чешский, словацкий и лужицкие, с одной стороны, словенский, а также кайкавский и отчасти чакавский диалекты сербохорватского языка, с другой. Формы единичности на *-ин* отсутствуют в материалах по полабскому и словицкому языкам, а также во многих говорах польского языка, например, в малопольском наречии, ср. данные юго-западных малопольских говоров: *miescon* (в соответствии с литературным *mieszczanin*) и названия жителей по месту поселения: *Věšorzon*, *Krakovon*, *Tokažon*, *Pasccon*, *Myšleńicon*, *Čšebnihon*, *Varsařon* и т. п. [2], в силезских говорах, например, в опольских: *xořb'an* (z *Xořb'ou*), *xřšcan* (z *Zřšstřf*) *grecan* (z *Grecu*), *kuźňan* (z *Kuźňe*), *kolyńiscan* (z *Kolyńist*), *kadub'an* (z *Kaduba*), *stańiscan* (ze *Stańisc*), *ćopolan* (z *Ćopolou*) и т. п. [3, с. 91], в говорах Крайны, типичные примеры: в селе Ставница: *stavničon* — мн. ч. *stavničohne/stavničaňe*, в Радовнице: *radovničon* — мн. ч. *radovničaňe* [4, с. 52, 53]. В великопольских говорах в этом словообразовательном значении преобладает формант *-äk* (*-äk*), но и он не связан с категорией единичности. В остальных славянских языках снижение продуктивности этого типа также проявляется в активизации других словообразовательных типов с иными функциями, например, образований на *-ец* в русском и в еще большей мере в болгарском и македонском языках, употребляемых в формах мн. ч. на *-овци/евци*, ср. название болгарского села *Доброславици* на месте более старого *Дуброславничан'е*, *Доброслафчан'е*, ср. также родовые названия *Г'енчофци*, *Г'оргофци*, *Г'уорофци* [5, с. 4], тырновские *Ивановци*, *Николчовци*, *Русковци*, *Маневци* и др. [6]. В ряде говоров болгарского языка суф. *-ин* не только не утратил продуктивности, но и расширил свои словообразовательные значения и применяется для образования названий лиц по роду деятельности, профессии или каким-либо характерным признакам, особенно от заимствованных слов, например, в рунском говоре с. Сычанли (Западная Тракия) наименования лиц с суф. *-ар'* факультативно получают дополнительный модифицирующий суффикс личного значения *-ин*: *муфтър'* — *муфтърин*, *бек'ър* — *бек'ърин* и *другърин*, *душманнин*, *свинърин*, *купънарин*, *чубаннин* [7, с. 87, 90]. Подобные формы широко распространены по говорам, но это не противоречит положению о падении категории единичности, а свидетельствует о лексикализации образований на *-ин* и означает развитие новой словообразовательной категории лица.

В русском языке на протяжении его истории вышли из употребления старорусские формы типа *половчии*, *нѣмчии*, *москвитии*, *псковитии*, *тѣвритии*. Но если и сохраняются сингулятивы, а вместе с тем и парадигматическое противопоставление, характерное для лично-собр. форм, а также важнейший синтагматический признак собирательности — сочетаемость с собир. числительными, как, например, в русском: *римляне* — *римлянин*, *двое римлян*, то и при этом едва ли правомерно считать, что формы мн. ч. на *-ане* удерживают прежнее качество собирательности. Дело в том, что эти формы включились в функционирование категории одушевленности, поэтому они не относятся к категории имен собир., на которые не распространяются грамматические свойства одушевленных существительных независимо от типа выражаемой совокупности.

Важные последствия для грамматического строя славянских языков имела диахроническая трансформация имен собир. ед. числа в грамматические формы мн. числа, преобразование собир. суффикса в форматив множественности. Грамматикализация лексики происходит в результате изменения уровня абстракции, формализации средств выражения количественных отношений, универсализации категории числа, комплектова-

ния числовой парадигмы. Логико-семантическим механизмом переосмысления словообразовательного собир. значения в грамматическое отвлеченно-множественное значение является абстрагирование количественных понятий, переход мысли от именованно-качественного представления множества к абстрактно-количественному, от собирательной, определенно-конкретной, к количественно абстрагированной множественности. Абстрагирование количественности ведет к размежеванию лексической и грамматической сторон слова. Идея отношения осознается уже как основная, сопутствующая категориальному значению предметности. Этому должно соответствовать новое, не лексическое (словесное), а грамматическое, формализованное выражение значения количества. Таким образом, исследуемый процесс связан с формированием грамматических значений как специфически языковых значений отношения, опирающихся на структурные свойства и грамматические средства языковой системы. Исторически функция выражения множественности последовательно закрепляется за грамматическими формами мн. числа. Естественно, что древнейшие типы имен собир., активно функционировавшие в качестве выразителей множественности, подверглись семантическому и формальному преобразованию. Функция на новом уровне абстрагирования и развития грамматического строя стимулировала трансформацию имен собир. в формы мн. числа как разрешение противоречия между формой и содержанием.

В истории и.-е. языков именам собир. принадлежала активная роль в развитии формообразующих средств мн. числа. Еще на древнейшей стадии развития праславянского языка в составе и.-е. диалектного сообщества произошло преобразование имен собир. на *-a в грамматические формы мн. ч. ср. р., например: собир. **drū-ā* > **drъva* → мн. ч. *drъva*. Сложился форматив им.-вин. п. мн. ч. -a для имен существительных ср. р. В старший письменный период развития древних славянских языков функцию форм мн. числа продолжали выполнять праславянские типы имен собир. жен. р. на -ия (*братия* или *братрия*) и ср. р. на -иѣ (*камение*). Вместе с тем в письменной истории славянских языков отражается процесс преобразования имен собир. этих типов в формы мн. числа. Так как в им. п. имена собир. на -иѣ сначала не имели параллельных грамматических форм мн. числа, переоформление парадигмы проходило таким образом, что в им. п. имя собир. было переосмыслено в форму мн. числа, а в косвенных падежах от него образованы соответствующие флектированные формы мн. числа (ц.-слав. род. п. *братий*, дат. п. *братиямъ*, твор. п. *братиями* и т. д.), последовательно вытеснившие первоначальные собир. формы ед. числа. Еще в старославянской письменности и в старейших церковнославянских источниках болгарской, сербской и русской редакций собир. *братия* употребляется исключительно в ед. числе, простые формы мн. числа от слова *братъ* образуются лишь в косвенных падежах (род. п. *братъ*, дат. п. *братомъ* и т. д.) в соответствии с формами мн. числа греческого (византийского) первоисточника. Однако система грамматических оппозиций все же допускала образование грамматической формы мн. числа прямо от собир. *братия* в определенных особых случаях, например, в сочетании с количественными словами. Два таких факта встретились в среднеболгарском Охридском апостоле конца XII в.: потом же ювискъ боле: ѿ братий (л. 28об XV. 6) въ мносъ братий (л. 92об VIII. 29) — наряду с обычными здесь формами ед. числа или рядом с соотносительной формой мн. числа другого слова. Пример, хотя и не бесспорный, — в др.-русск. грамоте Мстислава около 1130 г.: и ты игоумене Исаѣ и вы братиѣ. донѣлѣже сѧ миръ състоить. молитѣ ба за мѧ и за моѣ дѣти.

Регулярное употребление форм мн. числа от собир. *братия* в косвенных падежах отражается в древнесербской письменности с конца XIII в., в среднеболгарской — со второй четверти XIV в. и прежде всего в сугубо книжных источниках. С конца XIV в. формы мн. ч. *братиямъ*, *братиями* и т. д., образованные несомненно под влиянием среднеболгарской книжно-письменной традиции, прослеживаются в славяно-молдавских и в славяно-румынских грамотах. В XV в., завершающем среднеболгарский период, определились основные черты грамматического строя болгарского языка, среди них — и переход собир. *братия* (> *братя*) в форму мн. числа. Утрата падежного словоизменения только способствовала этому процессу. Сочетаемость с количественными числительными и согласование определений во мн. числе, по данным дамаскинов XVII в., показывают, что к этому времени слово *братя* воспринималось уже как привычная, давно установившаяся форма мн. числа. Это отражают и диалекты: мизийские *брат* — *брѣт'а*, например, шумен. *двѣма*, *трѣма брѣт'а*, *брѣт'ата си*, наши *мѣли брѣт'а* [8, с. 435], балканские, например, тетевенские *брат* — *брѣт'а*: *труѣца брѣт'а*, *деуѣца брѣт'а*, *чѣтири брѣт'а* [9, с. 56, 108—112], троянские *брат* — *брѣт'ъ* [10, с. 175], рунские, по данным восточнорунских говоров с. Сычанли (Гююрджинско): *брат* — *брѣт'ъ*, чл. формы *брѣт'ътъ* и *брѣт'ъту*, как и иные собир. на -'ъ: *билѣт'ъ* — *билѣт'ъту*, *журап'ъ* — *журап'ъту*, *пчелѣр'ъ* — *пчелѣр'ъту* [7, с. 71, 78], и области Странджа: *брат* — *брѣк'е* [11, с. 23], западнорунские (неврокопские) *брат* — *брѣк'а* [12, с. 131], родопские, по данным архаического тихомирского говора: *брат* — *брѣт'ѣ* с унифицированным окончанием, как и мн. ч. *кѣмѣн'ѣ*, *кѣл'ѣ*, *ѣдѣк'ѣ*, *аѣчѣре* — по типу собир. ср. р. на -je [13, с. 35], и др.¹; северо-западные *брат* — *брѣк'а* и *брѣик'а*, например: *трѣма брѣк'а*, *два брѣк'а*, *девет брѣик'а* [15, с. 280, 433, 437]; по этому типу образовано мн. ч. *госѣд(та)*, воспринимаемое здесь и как ед. ч.: *госѣдта по трѣ дни седѣ* [15, с. 280], новосельские (Видинско) *брат* — *брѣк'е*: *двойца брѣк'е* [16], юго-западные: ихтиманские *брат* — *брѣт'а(та)* и *брѣк'а(та)*: *двѣма брѣт'а*, *троѣца брѣк'а*, *петѣна брѣт'а* [17, с. 66], орханийские (ботевградские) *брат* — *брѣк'а*: *два брѣк'а*, *двѣма брѣк'а*, *дѣвет брѣк'а*, *тѣдите брѣк'а* [18, с. 78—90], софийские (говор с. Доброславцы) *брат* — *брѣк'а* [5, с. 22], кюстендилские *брат* — *брѣк'а*: *петѣна брѣк'а*, пиянешское *ѣмѣ двѣма брѣк'а* [19, с. 92], банатские *брат* — *брѣик'а(та)*, редкое, чаще *брѣик'е*, унифицированное по образцу продуктивных образований с окончанием -е, как *дружѣр* — *дружѣре*, *мудрѣц* — *мудрѣце* или *крал'* — *крал'ѣ*, *мѣш* — *мѣжѣѣ*, *цар* — *царѣѣ*, *вѣлк'* — *вѣлце* и под. [20, с. 169]. Видимо, к праславянскому типу имен собир. на *-ijā восходит модель мн. числа с окончанием -йа: *влѣ* (*влах*) — *власйѣ* (Винга) и *грѣк* — *грѣцйѣ*. Эти формы иногда воспринимаются как собир. В македонских говорах, образующих с западными болгарскими говорами непрерывную изоглоссную область, тоже употребляются плурализованные формы: *брѣк'а*: *пет брѣк'а*, *твоите брѣк'а*, *дваѣца брѣк'а*. В кумановском говоре, занимающем центральное место в группе северномакедонских говоров, рядом с мн. ч. *брѣк'а* возникло мн. ч. *л'ѣѣг'а* от *л'ѣѣѣ* (*лѣѣѣ*) [21].

В истории сербохорватского языка древние книжные (сербско-славянские) формы мн. ч. (род. п. *братѣи*, дат. п. *братѣамъ*, твор. п. *съ братѣиа-*

¹ Л. Милетиц отметил некоторое распространение форм мн. ч. на -'а по образцу мн. ч. *брѣт'а* в восточных болгарских говорах, в частности, в рунских: *idaŭ dubri gōst'g* (Хасково), *nājahaŭte bŕzi kōn'a* и т. п. [14].

ми — из грамот сербского царя Стеф. Уроша конца XIII в.) не получили развития; в качестве общезыковой и литературной формы мн. числа утвердилось под влиянием народной речи собир. ед. ч. *браћа*. Старая хорватская форма мн. ч. *brati*, отмеченная раньше в Законе винодолльских общин 1288 г. по рукописи XV в., сохранилась в кайкавском диалекте (Хорватские Загорье). В современном сербохорватском языке имена собир. по-прежнему сохраняют древнейшую функцию выразителей множественности. Собир. *браћа* выражает номинативное множественное значение формами ед. числа и в определенно-количественных значениях сочетается с собир. числительными, указывающими на количество братьев например: *Ja imam sedmogo brabe*.

В истории русского языка процесс преобразования имен собир. типа *братья, зятья, князья, деверья, шурья* в формы мн. числа совершался постепенно на протяжении XV—XVII вв. и стал закономерным выражением внутренних тенденций развития грамматического строя. Первые, единичные формы мн. числа косвенных падежей отмечены в письменности с начала XV в., например, в Ипатьевской летописи (1425 г.): съ шюр(ъ)ами своими, л. 115об, 6650 г. в Хлебниковском (XVI в.) и Погодинском (нач. XVII в.) списках — *шюрьями*. Но этот пример не вполне надежен: в форме *шюрьями* буква ь, как отмечено издателями памятника, приписана сверху и, может быть, другой рукой [22]. Другие примеры зафиксированы в житиях и посланиях духовных лиц и могут быть связаны с книжнославянским влиянием. В приказно-деловой письменности Московского государства до второй пол. XVI в. формы мн. ч. от имен собир. на -ья встречаются редко и только с нач. XVII в. получают широкое распространение, а во второй пол. XVII в. становятся окончательно сложившейся нормой формирующегося национального русского языка. Форматив мн. числа -ья нашел применение и за пределами категории имен собир.: мн. ч. *атаманья, господья, дядья, кумовья* (с контаминацией окончания -ове и форманта -ья), *мужья, панья, сватовья, холопья* и т. п. Новые формы мн. ч. широко распространены во всех диалектных зонах русского языка (с.-в.-русск. *братовья, сватовья, зятевья* или *братья, сватья, сынья* и под., ю.-в.-русск. *братья, сынья, сватья, дядья, деверья, матерья* и др.), уступаая место простым формам мн. типа *братьи, сынби* лишь в некоторых западных и юго-западных говорах, пограничных с белорусским и украинским языками, например, брянск. *братби, зятби, сынби*; формы на -ья (*братья, зятья, мужья*) встречаются здесь спорадически².

В староукраинском языке XIV—XV вв. функцию формы мн. ч. для слова *брат* выполняло собир. ед. ч. ж. р. *братия*. Многочисленные формы мн. ч. (им. п. *братья* — XV в., род. п. *братіи, братеи* — с нач. XV в., дат. п. *братіамъ, братиямъ* — с нач. XV в., твор. п. *братіами* — с конца XIV в., местн. п. (вм. род. п.) — *от (у) братіях* — XV в.), собранные в Словаре староукраинского языка XIV—XV вв. [25], принадлежат славяно-молдавским источникам и связаны с влиянием среднеболгарской книжной подосновы письменного языка молдавской канцелярии. Живую народную речь украинцев отражают простые форм. им. п. мн. ч. *брати* (с 1439 г.) и *братове* (с 1493 г.), еще редкие в письменности XV в. Мн. ч. *браті* (а также *братби* и *брат'а, братіи*) отмечено в одном из архаических говоров украинского языка — бойковском диалекте в Карпатах [26]; в юго-западном наречии, особенно в лемковских говорах

² Обобщающие сведения по диалектам русского языка даны в [23, 24].

и во всей карпатской диалектной группе, типичны формы на *-бве*: *бра-тбве*, как и *сватбве*, *синбве*, *мужбве*, *сусидбве*, *предкбве* и под. Древнее собир. *братя* в говоре прикарпатских лемков имеет парадигму мн. ч.: *братя*, *братши*, *братям*, *братями*, *братях* [27] — результат плюрализации на диалектной основе.

В старобелорусском языке, по данным книжных источников XV — XVI вв., функцию формы мн. ч. слова *брат* выполняло собир. *братия* с парадигмой форм ед. ч., ср. то же соотношение: *хологъ* — собир. *хологья* (XVI в.). В определенно-количественных сочетаниях использовалась простая форма мн. ч.: *тры браты* (Летопись по сп. Рачинских около 1580 г.). В письменности XVI—XVII вв. отражен переход собир. *братия* > *братя* в форму мн. ч.: *старшие братья* (Литов. метрика 1567 г.), дат. п. мн. ч. *братямъ* (первая пол. XVII в.). Однако эти книжные формы в речи не закрепились, вместо них получили распространение в качестве общезыковой и литературной нормы обычные грамматические нормы мн. ч.: *братѣ*, *братбѣ*, *братѣм*, *братѣми*, *братѣх* (ср. также *кумѣ*, *сватѣ*), как и в говорах.

В истории чешского языка в формы мн. ч. были преобразованы собир. *bratřie* и *kněžie*, функционировавшие как выразители мн. ч. существительных *bratr* и *kněz*. В соответствии с этой функцией они сочетались с количественными числительными: *trzie bratřie* (Život sv. otců, 21a, 282, 290; *piet bratřij*, op. cit., 13a, 58). Плюрализация завершилась в живой речи во второй пол. XIV в. В языке произведений Яна Гуса и его сподвижников, в песнях и духовных стихах гуситов (нач. XV в.), в языке П. Хельчицкого существительные *bratři* и *kněží* имеют прочно утвердившиеся парадигмы мн. числа. В дальнейшем форма *bratři* вышла из употребления, вместо нее применяется простая форма мн. ч. *bratři*. Рефлексом старой собир. формы в им. п. является диалектное восточноляшское мн. ч. *bračo* к ед. ч. *brat*, функционирующее наряду с мн. ч. *bratři* от ед. ч. *brater*. В восточноляшском наречии сочетаются языковые черты чешской, словацкой и польской речи в Силезии. В этих формах чувствуется влияние говоров польского языка, ср. крамское (центр великопольского наречия) мн. ч. *bračo* [28], доманевские в Ленчицком повете *bračo* или *brača* (наряду с мн. ч. *braty*) и *kšyžo* [29], северные великопольские *bračo* // *brača*, *kšyžo* [30]. В яблунковских и соседних говорах с исторической словацкой речевой основой окончание *-o* распространилось среди части имен существительных, обозначающих лиц мужского пола: *katračo*, *sũtšyžo*, *žyžo*, *myžozi paňo*, *L'igobaňo*, *Višľaňo* и др. [31].

В словацком древние имена собир. *brat'ã* и *knãža* в результате фонетического преобразования (*brat'ã* > *bratia*) на базе среднесловацкого наречия и плюрализации дали форматив мн. ч. им. п. *-ia*-, *-ovia*, получивший широкое распространение в классе имен личных муж. р.: *slovania*, *mešt'ania*, *I'udia*, *synovia*, *otcovia*, *dedovia*, *mužovia*, *strykovia* и мн. др.

В истории польского языка в формы мн. числа были преобразованы собир. *braciã* и *księżã*. В актах первой пол. XVI в., судя по согласованию определений во мн. числе (при сохранении морфологических признаков форм ед. ч.), намечается переосмысление собир. *braciã* в форму мн. ч. Отмечаемая в актовой письменности XVI—XVII вв. сочетаемость собир. *braciã* с количественными числительными прямо свидетельствует о том, что оно могло выражать наряду с собир. и расчлененное множественное значение, соответствующее абстрагированному осмыслению множества. В этот период формы выражения приходят в соответствие с реальным

значением множественности и получают окончания мн. числа в косвенных падежах: *braci, braciom, braćmi, braciach; księżi, księżom, księżmi, księżach*.

Разнообразие форм выражения множественности в диалектах создается сочетанием в единой парадигме трансформов имен собир. в разных фонетических вариантах с простыми формами мн. ч., которые перестали различаться вследствие абстрагирования и обобщения значения, например, силез. им. п. мн. ч. наряду с *braciã, kšęžã* — мн. ч. *braty* (Кельч, Ловковице), *bratšī* (Добрачице), *braćoŭ* (Борки), а также *kšęžoŭe, kšęze* и др. [32, с. 111], в Опольском повете: *kšyza // kšyžyŭ* (Старые Щелковицы), *braćoŭ kšyŭzoŭ* (Сходни) наряду с более редкой здесь формой на *-oŭe: bratoŭe, kšyŭzoŭe* [33, 3, с. 105—106]. В силезских говорах в косвенных падежах утвердились простые формы мн. ч.: род. п. *bratŭf, kšęžŭf*, дат. п. *bratŭm, kšęžŭm (lužŭm)*, твор. п. *bratŭma, kšęžaŭmi (lužaŭmi)* [32, с. 112, 113]. В глогувечком диалекте формы мн. ч. типа *braćoŭ (braćoŭ), kšęžoŭ* и *kšęžoŭ* распространились и среди других названий лиц мужского пола: *muzykaŭcoŭ, fraŭciškaŭcoŭ, kŭmraćoŭ, miŭnistracŭcoŭ, partizacŭcoŭ, Ruišoŭ* [34]. Образования этого типа известны в говорах Силезии, в Малопольше, на Куявах и спорадически встречаются на Мазовье. В крайнянских говорах часто употребляются формы мн. ч. типа *braciã, księžã*, но не меньше наряду с ними или вместо них выступают обычные формы мн. ч., см. [4, с. 76]. Вместе с тем в диалектах тип имен собир. ед. ч. муж. р. на *-ã* от одушевленных слов окончателью не утрачен, но получил некоторое распространение у названий лиц мужского пола, например: малопольские и великопольские *vŭjãã, zadukaãã, muzykaŭãã, swacã, ryceã, parcelacã, ćelazã* [35].

В верхелужицком языке формы им. п. мн. ч. на *-a* по образцу плюрализованых имен собир. *bratŕa, knježa* образуют личные имена существительные муж. р.: *serb — serbja, čech — česi/češa, žid — židži/židža, bar — barja, kmotr — kmotrŕa, pop — popja, mnich — mniša, susod — susodža* и др. В нижелужицком языке этому типу соответствуют формы мн. ч. на *-i, -e, -a*, выражающие собир. значение: *bur — burja, burje, sused — suseži, brats — bratsi, kmotš — kmotši, kmotše, kmotša, kněz — knježa, gosć — gosći*.

Широкий охват диалектов явлениями плюрализации имен собир. свидетельствует о глобальном характере процесса грамматикализации категории числа, в котором получают выажение внутренние — общие и особенные тенденции развития грамматического строя славянских языков.

Абстрагирование количественных значений и формирование грамматической парадигмы мн. числа исторически вызвали преобразование типа предметной (неодушевленной) собирательности ср. р. на *-ie*, обусловленное функцией множественности. Этот процесс тоже имел свои особенности и разные последствия в истории славянских языков. Различия важны для понимания механизма грамматикализации и закономерностей образования грамматических форм. Отмечаемые уже в старославянских текстах формы мн. ч. от имен собир. на *-ie* — *былика каменя, листвика, кореника* и т. п., особенно многочисленные в церковнославянских памятниках древнерусского, среднеболгарского, древнесербского изводов, выражали расчлененность множества. Несомненно, эти формы повлияли на развитие праславянского типа *-ie* в отдельных славянских языках и оказались исторически перспективными в выражении абстрагированной, логической множественности, постепенно вытеснившей прежнее значение расчлененности.

В период формирования новоболгарского языка XV—XVII вв. в письменности под влиянием диалектов активизируются собир. ед. ч. на *-ие* > *-е* с функцией множественного. Вместе с тем, как и в среднеболгарском (сочинения Евф. Тырновского, летопись Константина Манасии и др.), имена собир. на *-ие* образуют формы мн. ч.: *биліе* — *биліа*, *дрвьіе* — *дрвьіа*, *мраморіе* — *мраморіа*, *овоциіе* — *овоциа*, *лозіе* — *лозіа* и под., отмечаемые в Люблинской рукописи XVII в., дамаскинах — Коприштенском, Тихонравовском, Троянском и др. источниках XVII в. По данным Свиштовского дамаскина 1753 г., отражающего архаические и новые, развивающиеся черты северо-восточного наречия болгарского языка середины XVIII в., с одной стороны, еще прочные позиции в выражении множественности занимают имена собир., а с другой — все большее распространение получают образуемые от них формы мн. ч., поскольку собир. нередко лексикализуются, отсюда лит. болг. *цветѣ*, *лозѣ*, *нивѣ*, *кѣщѣ*. То же соотношение форм ед. и мн. ч. отмечено в современных северо-восточных говорах о-диалекта: *цвет'е* — *цветѣ*, *лѣз'е* — *лозѣ*, *лїст'е* — *лїстѣ*, *пѣр'е* — *перѣ*, *нив'е* — *нивѣ* и т. п. В шуменском говоре (мизийская группа восточных говоров) употребительны собир. ед. ч. *дрѣв'е*, *вѣже*, *лїсте*, *лѣз'е*, *снѣпе*, *тѣрне* и формы мн. ч. на *-а*, производные от существительных этого типа: *лоз'а*, *врат'а*, *нив'а*, *древ'а*. В другом мизийском говоре — гребенском (Силистрия) модель мн. ч. имен ср. р. с окончанием *-йа* (*вѣжи* — *вѣжйа*, *лузйа*, *цвїтйа*, *пирѣ* — *пирйа*) образована от собир. типа на *-ие* [36, с. 48—49]. В западных болгарских говорах тоже распространены имена собир. ср. р. ед. ч. на *-е* и производные от них грамматические формы мн. ч. (с одушевленными основами): софийские *рѣб'е* — *рѣб'а* (ср. также серб.-хорв. *робље* — *робља*), *луг'е* — *луг'а*, *мѣж'е* — *мѣж'а* и *маж'е* — *мажл'а*, как и исконные, древние собир. от неодушевленных основ: *кѣл'е* — *кѣл'а*, *пѣр'е* — *пѣр'а*, *дрѣв'е* — *дрѣв'а*, *лѣз'е* (несобир.) — *лѣз'а*, *нив'е* — *нив'а*, *слѣв'е* — *слѣв'а*, *вѣж'е* (несобир.) — *вѣж'а*, *цвет'е* (несобир.) — *цвет'а* [37, с. 239, 246, 259], орханийские ед. ч. *арѣпе*, *вѣже*, *гѣсте*, *бѣсе*, *гѣдже*, *гѣзде*, *ливѣде*, *лѣзе*, *лїсте*, *кѣле*, *пѣрте*, *тѣрне*, *рѣсте* (*хрѣсте*), *цвѣте* (с утратой мягкости конечного согласного основы в ед. ч.) и мн. ч. *нив'а*, *лѣз'а*, *пѣр'а*, *цвет'а* [18, с. 35—36].

В общей парадигме, противоположающей имени собир. ед. ч. на *-е* и формы мн. ч. на *-а*, заняли место в качестве имен собир. ед. ч. бывшие формы мн. ч. **i*-основ *гѣск'е* (**gostъje*) и *л'юд'е* (**ljudъje*). Об этом свидетельствует согласование сказуемых и определений в ед. ч.: софийские *гѣск'е* *продумѣло* (Кумар.), *наше мїло гѣск'е*, *гѣск'е што гѣбри* (с. Гинци), впрочем, непоследовательное [37, с. 259]. Тем самым находят свое объяснение формы мн. ч. *гѣск'а* и *л'юд'а*. Очевидно, что формы ед. и мн. ч. близки по смыслу. Г. Попиванов приводит пример, в котором они варьируются в речи одного информанта: *и нѣзе рѣб'е фанѣха* — *и нѣзе рѣб'а фанѣха* [там же]. Различия между формами мн. ч. и собир. ед. ч. порой нивелируются на основе общего значения совокупной множественности, ср. согласование определений и сказуемого в ед. ч. с именем сущ. мн. ч.: *Дрѣбно си слѣзи промѣва* (Елешница), *Запрѣ се гѣре*, *запрѣ се нїви* (Реброво) [37, с. 259].

Окончание мн. ч. *-а* распространилось и среди части одушевленных основ мужского и женского рода (возможно, также в связи с процессом трансформации имен собир. в формы мн. ч.) по типу собир. *брѣтя*: шумен. *бивола'а*, *бѣлгар'а*, *волова'а*, *дувар'а*, *дуген'а*, *тилѣ'а*, *турч'а*, *циган'а* и др. [8, с. 351, 361], тетевенские *бивола'а*, *волова'а*, *влас'а* (ед. ч. *влах*), *турчол'а*, *читач'а*, *грчол'а* (*грци*), *колугер'а*, *овчер'а* и ж. р. *женур'а*, *дечур'а*

[9, с. 58], гребенские *чурап'а*, *бустан'а*, пожаревские *женур'а*, *мъжур'а*, [36, с. 49], сливенские (подбалканский говор) *жинур'а*, *цигън'а*, *гърчул'а* [38] и др.

Исконные имена собир. ед. ч. могут быть непосредственно осмыслены как формы мн. ч., например: *те нив'е* (< собир. ед. ч. нивие) или лексикализованы в целостном единичном понятии, как *цвете* (< собир. *цветик*). Плурализация имен собир. ср. р. стала для многих болгарских говоров активным источником образования и распространения продуктивного типа мн. ч. на *-е*, в котором объединились также окончания древних основ на согласный и на **-й* (муж. р.). В юго-западном ихтиманском говоре среди имен существительных, образующих мн. число на *-е*, можно выделить группу слов, у которых эта форма прямо восходит к именам собир. ср. р.: мн. ч. *бдре*, *дабе*, *кляне*, *кдле*, *нивe*, *пра́те*, *трѹпе*, *тръне* и др. В одном ряду с ними оказались формы мн. ч. *ма́же* и *гд́сте* с окончанием из основ на **-й* [17, с. 65]. В балканском тетеვენском говоре группа односложных существительных муж. р. во мн. ч. принимает окончание *-е* того же происхождения: *гд́сте*, *гля́сте*, *зѣбе* (*зѣб* «скала»), *дрѣне*, *кд́ле*, *мѣ́же*, (*х*)*ра́сте*, *пѣне* (*пѣнь*), *п'р́те*, *рѣбе*, *снд́пе*, *тр́не*, *кд́не*, *с'р́бе* (*срѣбин*), включая и перешедшие в этот тип существительные муж. р. **-ѡ*-основ *ца́р'ѡ*, *кра́л'ѡ* и др. [9, с. 55]. В этом типе мн. числа обобщены на основании единой функции множественности окончания основ на **-й* (*гд́сте*), основ на согласный (*с'р́бе*) и форматив имен собир. ср. р. *-ие* > *-е*. Такому широкому обобщению окончаний разных типов праславянского склонения несомненно способствовало отсутствие форм косвенных падежей, утрата падежного словоизменения в истории болгарского языка. В юго-западных болгарских говорах, по данным говора с Горно поле, чрезвычайно продуктивное окончание мн. ч. *-йе* (*-йѣ*) присоединяется к разным, односложным и многосложным, основам. Одни такие формы восходят к именам собир. ср. р.: *бас* — *бáсье*, *брес* — *брѣск'е*, *дап* — *дáбйе*, *лис* — *лйск'е*, *прат* — *прáк'е*, другие — к формам мн. ч. от согласных основ — на *-ар*: *другáр* — *другарйѣ*, *жетвáр* — *жетварйѣ*, на *-ач*: *орáч* — *орачйѣ*, на *-ин*: *бугáрин* — *бугарйѣ*, *ср́бин* — *ср́бйе*, на *-ен'*: *ка́мен'е* (ед. ч. *ка́мик*), *кбр́ен'* — *кбр́ен'е*, *ва́гл'ен* — *ва́гл'ен'е* и др. [39]. В кюстендилском говоре, входящем в южную группу юго-западной диалектной зоны, часть односложных имен существительных муж. р. образует два ряда форм мн. ч.: на *-ове* (*-еве*) и на *-йе*: *бор* — *бдрове* и *брйѣ*, *брес* — *брѣстове* и *брѣске* (*брѣйѣ*), *дап* — *дáбове* и *дáбйе*, *клин* — *кльнове* и *кльн'е*, *лис* — *лйстове* и *лйске* (*лйсье*), *сноп* — *снд́пове* и *снд́пйе*, *бус* — *бўзйе* и *бўске*, *сот* — *сд́тйе* и *сд́тке*, *сд́ке* [19, с. 65]. Здесь, как и в других говорах, в типе мн. ч. на *-йе/-'е* обобщены разные по происхождению формы мн. ч. — древних основ на **-й* (*гос* — *гд́ске*, *гд́сье*), на согласный (*аргáтин* — *аргáке*, *жетвáр* — *жетварйѣ*, *офчáр* — *офчарйѣ*, *офчарѣ*) и др. [19, с. 82] и тип имен собир. ср. р. на *-'е*. В группе восточнорупских говоров в образовании форм мн. ч. также используется окончание *-'е/-йе*, восходящее к формативу имен собир. ср. р. на *-ие*, например: тракийские (с. Сычанли) *глас* — *глясье*, *гръж* — *гръ́же*, *гос* — *гд́стйе*, *грон* — *грѣбйе*, *роб* — *рѣбйе*, *сноп* — *снд́пе*, *клон* — *кд́не* [7, с. 71–72], странджанские *бук* — *бўчйе*, *клен* — *кльн'е*, *клин* — *кльн'е*, *кол* — *кд́л'е*, *лис* — *лйск'е*, *прът* — *прѣк'е*, *сноп* — *снд́пйе* и *снопйа*, *трън* — *трън'е* (наряду с формами мн. ч. на *-ве*: *кд́л-ве*, *лйст-ве*, *трън-ве*, *снд́п-ве*), распространившееся и на одушевленные основы: *гос* — *гд́ск'е*, *мъш* — *мъ́жйѣ*, *брат* — *брáк'е* и др. [11, с. 28]. Обе формы мн. ч. на *-йе/-'е* и на *-све* принимают артикль *-то* подобно собир. ср. р. ед. ч. на *-е*. Примечательная особенность состоит в том, что формы

мн. ч. на -е обозначают определенных лиц, животных, предметы: *биул'е, говедаре*, но если говорится вообще о множестве обозначаемого, то применяются производные от них собир. формы мн. ч. на -'а/-'яа: *биул'а, говедар'яа, еснаф'яа, свинар'яа, бакал'а, гърчул'аа, кучек'а, момчек'а, циган'а* [11, с. 47, 50]. В этом своеобразно отразилось то архаическое состояние, когда общее значение множества выражалось именами собир. (этой цели и здесь служат собир. формы мн. ч.), а грамматические формы мн. ч. применялись для обозначения конкретных множеств. В западно-русских говорах окончание -'е и артикль -то имеют формы мн. ч. из праславянского склонения основ на *-й (*л'уг'ето, г'остето*, переоформленное по данному типу мн. ч. *м'аж'ето*), основ на согласный (*камен' — камен'е, камен'ето, ремен — ремен'е, ремен'ето*), а в иных случаях форма мн. ч. является преобразованным именем собир. ср. р.: *з'абѣ, тр'ан'ѣ(то), д'абѣ, сн'опѣ* и т. п. [12, с. 70]. Редко, как и в других говорах, окончание -'е(то) принимают сущ. жен. р.: *з'в'ад'ето, г'ор'ето, сф'айш'т'ето* и др. В архаическом тихомирском говоре в Родопах мн. число на -'е (с удлинением согласной основы) образуют еще более разнообразные типы имен сущ.: *авѣс — авѣсе, брат — братѣ, вѣт'рѣ, г'дѣ, грѣбеѣ, дарвѣ, дѣне, д'длѣ, каменѣ, кл'ине, колѣ, к'онѣ, листѣ, председ'ателѣ, п'отѣ, сн'огѣ* и др. [13, с. 35, 49].

Формы мн. ч. на -е, восходящие к типу имен собир. ср. р., широко распространены в македонских говорах. Собираательные по происхождению формы мн. ч. на -йел-'е продуктивны в дольнопреспанском говоре на крайнем юго-западе Болгарии, переходном от западномакедонского наречия к восточномакедонскому: *д'ѣн — д'ѣйе*, например: *чѣтири д'ѣйе, сноп — сн'оп'е, клас — клас'е, к'орен — к'орен'е, камен — камен'е, лист — лист'е, н'рт — н'рт'е* (ст.-слав. *пржт'ие*), *ремен — ремен'е, т'рн — т'рн'е* [40, с. 45, 47]. Обычно формы мн. ч. на -йел-'е образуют односложные имена существительные муж. р., но в западных болгарских и македонских говорах окончание, восходящее к типу собир. ср. р. на -'е, принимают и существительные жен. р., например, преспанские *в'дда — в'дд'е, л'ивада — л'ивад'е, м'рѣжа — м'рѣж'е, н'ива — н'ив'е, трѣва — трѣв'е, с'л'ива — с'л'ив'е, п'ланина — п'ланин'е, п'адина — п'адин'е* [40, с. 47]. В горнокостурском говоре, как и в остальной костурской диалектной области, этому типу равноценно мн. число на -йал-'а — морфологически правильная форма мн. ч. от имен собир. ср. р.: *лив'ада — ливад'яа и ливад'а, н'ива — н'ив'яа*, например: *две н'ив'яа* (Пополе), *в'дда — в'дд'яа, трѣва — трѣв'яа, д'дбри л'уд'яа, л'уг'а, струп — струп'яа, д'ѣмб — д'ѣмб'яа, сноп — сн'оп'яа, клас — клас'яа, камен — камен'яа, ремен — ремен'яа, к'орен — к'орен'яа* [41]. В литературном македонском языке кодифицированы простые и собир. формы множественности: *ливада — ливад'и и ливад'е, планина — планини и планин'е, нива — ниви и нив'е*. Прилагательные в сочетании с собир. на -је принимают формы ед. и мн. ч.: *жолто сноп'е и жолти сноп'е*. Наряду с собир. формами мн. ч. на -је применяются и производные от имен собир. ср. р. формы мн. ч., например: *д'аб — д'аб'е/д'аб'я (и простая форма мн. ч. д'абови), камен — камен'е/камен'я, кол — кол'е/кол'я, дрво — дрв'е/дрв'я и дрва, крило — крил'е/крил'я и крила, жито — жит'е/жит'я и жита, перо — пер'е/пер'я и пера, сноп — сноп'е/сноп'я и снопови* и т. п. Собира. множественное обозначает неопределенное множество предметов, а простое множественное — сосчитанный ряд отдельных предметов. Македонский литературный язык находится в состоянии формирования и развития грамматических норм. Устранение дублетности форм мн. числа может выразиться в стилистическом использовании одного из вариантов или в их смысловой дифференциации, например:

лист — *лисѣ/лисја* (раст.) и *листови* (бумаги), *крило* — *крилѣ/крилја* и *крила* (створки двери, окна и др.), *перо* — *перѣ/перја* и *пера* (перья для письма) и т. д.

В говоре банатских болгар, отделившемся от общенародного болгарского языка с конца XVII в. и, следовательно, в известной мере сохранившем архаические черты, хотя, конечно, и изменившемся в процессе самостоятельного развития в иноязычном окружении, некоторые имена существительные муж., жен. и ср. р. образуют кроме обычных форм мн. ч. и вторую, собир. форму на *-а*, *-йа* и *-йѣ*: *брѣк'* — *брег'йѣ*, *клас* — *класйѣ*, *гумну* — *гумн'а* и др. Собирательный оттенок значения ощущим и в некоторых других формах мн. ч. типа *бърдйа*, *трѣйѣ*, *лываг'е* [20, с. 177]. Таким образом, продуктивность окончания мн. ч. *-е*, характерного для большинства современных болгарских говоров, связана с влиянием плюрализованных форм имен собир. ср. р. на *-е*, обобщивших разные по происхождению окончания им. п. мн. ч. — склонения имен муж. р. на **-i*, на согласный, а в отдельных случаях и имен жен. р. на **-ja* (ст.-слав. *овьцѣ* > *овце*). О подавляющем влиянии имен собир. ср. р. на *-ие* свидетельствует то, что характерный для собир. артикль *-то* присоединяется ко всем формам мн. ч. на *-е* независимо от их происхождения (ср., например, шумен. *л'удето*, *вбловето*, *селѣнето*, странджанские *м'аговето*, *роговето*, *сн'аговето*, *сйновеето*, неврокопские *гр'аховето*, *камен'ето*, *ден'ето*, *сѣдовето*, *синовеето*), хотя формы мн. ч. при этом не превращаются в формы ед. ч. и не становятся именами собир. Очевидно, что разные по происхождению формы мн. ч. на *-е* по свойственному им значению совокупной множественности ассоциировались с именами собир. ср. р., которые, в свою очередь, переходили в формы мн. ч. Артикль *-то* исторически присоединен от имен собир. ср. р. на основе их исконной функции форм мн. ч. Произошло обобщение имен собир. и грамматических форм мн. числа на основе указанной функции.

В болгаристике утвердилось положение, что литературные формы мн. ч. типа *листи*, *снопи*, *тръни*, *трупи* тоже производны от имен собир. ср. р. *листе*, *снопе*, *тръне*, *трупе* (ст.-слав. *листие*, *снопие*, *тръние*, *трупие*) путем фонетического изменения неударного окончания *-е* > *-и* в северо-восточном наречии с последующей плюрализацией форм ед. ч. Достоверность этого фонетического явления подтверждают троянские лексикализованные в ед. ч. имена собир. ср. р. *грѣзди*, *зѣли* или имена отвлеченные *брѣн'и*, *купѣн'и*, *сидѣн'и*, не имеющие форм мн. ч. [10, с. 177]. В троянском говоре некоторые односложные существительные муж. р. образуют мн. число с окончанием *-и*: *пърт* — *пърти*, *зъл* — *зълби*, *път* — *пъти*, *трън* — *търни* [10, с. 175]. В шуменском говоре окончания мн. ч. *-и* принимают существительные жен. и муж. рода (*глави*, *сълзи*, *вѣни*, *гѣри*, *вѣди*, *жѣни*, *ѣбци*; *гласи*, *мѣсти*, *листи*, *ѣблито*, *ѣбрито*, *гѣрби*, *пѣти*) [8, с. 360]. По наблюдениям Г. Попиванова, в районах Тырново, Шумена, в северной Добрудже формы мн. ч. от некоторых имен существительных благодаря собир. значению воспринимаются и требуют согласования прилагательных как собир. формы ед. ч. ср. р.: шумен. *тѣнку дари*, *чѣрно косми*, *м'адно кл'учи*, *бързу хърти*, *равно колѣ*, *бѣстро сълзи*, *широко двѣри* [8, с. 361]. Такое же согласование характеризует и трехсложные формы: *м'адно ковѣли*, *ц'ало с'л'ани* (Снежина). Однако не всегда окончание мн. ч. *-и* восходит к *-е* как его фонетический вариант. В таких примерах, как тырновские и шуменские *тѣнку дари*, *чѣрно косми*, *м'адно кл'учи*, *бързу хърти*, *бѣстро сълзи*, прилагательные имеют формы ед. ч. ср. р. потому, что правильные грамматические формы мн. ч. *дари*, *косми*, *кл'учи*, *хърти* по-

лучили собир. смысл и приравнены к именам собир. ср. р., соотносительным с односложными основами.

В современном сербохорватском литературном языке имена собир. ср. р. на *-je* сохранили формы ед. ч. вместе с функцией множественности. Простые формы мн. ч., как и в прошлом, выражают расчлененность, раздельность множества или немногочисленность составляющих его единиц, ср. собир. *pérje* и мн. ч. *pèra*, собир. *kàmēnje* и мн. ч. *kàmeni*, собир. *lišće* и *lišтови*, *cvjēće* и *cvjětovi*, *grôžđe* и *grôzdovi*. Однако в диалектах имена собир. образуют формы мн. ч., например, контаминированные формы мн. ч. в старочерногорских среднекатунских и лешанских говорах: *камѣњи* — *камѣња/камѣнѣма* (Цуце, Загарач, Доњи Бјелице, Љнкополе), *прстѣњи* — *прстѣња/прстѣнѣма* (Цуце), *грмѣњи* — *грмѣња/грмѣнѣма* (Цуце, Загарач) и др. [42].

В истории русского языка образование и утверждение форм мн. ч. на *-ья* типа *деревьѧ, листьѧ, каменьѧ, кореньѧ* от имен собир. ср. р. на *-ье*, охватившее все диалекты, стало выражением морфологического развития категории числа, преобразования словообразовательной парадигмы типа *лист* — собир. *листьѣ*, *дерево* — собир. *деревьѣ* в словоизменительную типа *лист* — мн. ч. *листьѧ*, *дерево* — мн. ч. *деревьѧ*. Это не привело к утрате типа имен собир. ср. р. на *-ье*, поскольку они развили стилистические и специальные лексические функции, благодаря которым и сохранили продуктивность в говорах.

В белорусском языке имена существительные, от которых были образованы имена собир. ср. р. на *-'е*, по данным разговорной речи, языка художественной литературы и диалектов, различают две формы мн. числа — собирательную и дистрибутивную, например: *лист* — мн. ч. *лісці* и *лісты* (собир. *лісце*), *кбрань* — мн. ч. *карѣннi* и *каранi* (собир. *карѣнне*), *брус* — мн. ч. *бруссі* и *брусы* (собир. *бруссе*), *зуб* — мн. ч. *зуб'і* и *зубы* (собир. *зуб'е*) и др. Однако в литературном языке собир. сущ. ср. р. *брўссе, валбссе, калбссе, камѣнне, карѣнне, кблле, крўлле, лісце, зблле* и т. п. употребляются только в ед. числе.

В старопольском языке имена собир. на *-'е*, по данным письменности, уже в XV в. образуют формы мн. ч. в расчлененно-множественном значении, например: *lišcia, ziela, ciernia, korzenia, pierza*, но они не получают развития, хотя изредка встречаются еще в художественной литературе XIX в. Соотносительные с мягкими производящими основами муж. р., собир. на *-'е* типа *kamienie, korzenie, krzemienie, ciernie* etc. были идентифицированы с формами мн. числа древнего склонения имен на **-i-* (как *ludzie*) на основе фонетического тождества окончаний и функции множественности. В результате этого в течение XVI—XVII вв. они перестроили свою парадигму, превратившись в формы мн. числа. Имена собир., соотносительные с производящими основами на твердый согласный (*kłosie, krzewie, pierze, prącie, papie, strącze, włosie*), сохранили собир. значение и парадигму ед. числа.

В старочешской письменности имена собир. на *-ie* в отдельных единичных случаях сочетаются с определениями и сказуемыми, согласованными во мн. числе. В этом нарушении формального согласования проявляется естественное стремление реализовать функцию множественности, однако плюрализации имен собир. на *i-* < *-ie* не произошло. Благодаря распределению функций между именами собир. и простыми формами мн. ч. от общих производящих основ в чешском языке имена собир. ср. р. сохранили парадигму ед. числа.

История славянских типов имен собир. проявляет важнейшую законо-

мерность в развитии категории числа в период формирования грамматических норм национальных славянских языков, заключающуюся в формализации, грамматикализации выражения количественных отношений, в развитии и утверждении флективных парадигм. Взаимодействие имен собир. с категорией числа, вызвавшее разные преобразования — переосмысление одних типов имен собирательных в формы мн. числа и переоформление других, — целиком основано на их исконной функции выражения множества. Переход функции мн. числа от имени собир. к грамматической форме мн. числа в истории славянских языков, вызвавший столь разнообразные изменения, означал упорядочение функций и унификацию способов выражения абстрагированных языковых значений множественности, дальнейшую формализацию числовых оппозиций, определившую словоизменяемый грамматический характер современной категории числа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дегтярев В. И.* Категория числа в славянских языках (Историко-семантическое исследование). Ростов-н/Д, 1982.
2. *Kusała M.* *Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich.* Wrocław, 1957. S. 25.
3. *Golač P.* *Gwara Schodni i okolicy.* Wrocław, 1955.
4. *Zagórski Z.* *Gwary Kraju.* Poznań, 1964.
5. *Гълъбов Л.* *Говорът на с. Доброславци, Софийско* // *Българска диалектология.* Прочувания и материали. Кн. 2. София, 1965.
6. *Селищев А. М.* *Македонские коды XVI—XVIII веков. Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии.* София, 1933. С. 235.
7. *Бояджиев Т.* *Говорът на с. Съчанли, Гюмюрджинско.* София, 1972.
8. *Попиванов Г.* *Особености на шуменския говор* // *Сборник на Българската академия на науките.* Кн. XXXIV. Клон ист.-филол. София, 1940.
9. *Стойчев Кр. С.* *Тетевенски говор* // *СБНУ.* Кн. XXXI. София, 1945.
10. *Ковачев Ст.* *Троянският говор* // *Българска диалектология.* Прочувания и материали. Кн. 4. София, 1968.
11. *Горов Г.* *Странджанският говор* // *Българска диалектология.* Прочувания и материали. Кн. 1. София, 1962.
12. *Мирчев К.* *Неврокопският говор.* София, 1936.
13. *Кабасанов С.* *Един старинен български говор. Тихомирският говор.* София, 1963.
14. *Miletič Lj.* *Das Ostbulgarische.* Wien. 1903. S. 244.
15. *Тодоров Ц.* *Северозападните български говори* // *СБНУ.* Кн. ХLI. София, 1936.
16. *Младенов М. Сл.* *Говорът на Ново село, Видинско. Привнос към проблема за смеените говори.* София, 1969. С. 52, 306.
17. *Младенов М. Сл.* *Ихтиманският говор.* София, 1966.
18. *Попиванов Г.* *Орханлийският говор* // *СБНУ.* Кн. XXXVIII. София, 1930.
19. *Умленски Ив.* *Кюстендилският говор.* София, 1965.
20. *Стойков Ст.* *Банатският говор.* София, 1967.
21. *Видоески Б.* *Кумановският говор.* Скопје, 1962. С. 140.
22. *Полное собрание русских летописей.* Т. 2. *Ипатьевская летопись.* 2-е изд. СПб., 1908. С. 313.
23. *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров* / Отв. ред. Орлова В. Г. М., 1970.
24. *Бромлей С. В., Булатова Л. Н.* *Очерки морфологии русских говоров.* М., 1972.
25. *Словник староукраїнської мови XIV—XV ст.* Т. 1 / Ред. Гумецка Л. Л. Київ, 1977. С. 120—122.
26. *Ониськевич М. О.* *Словарь бойковского диалекта* // *Славянская лексикография и лексикология.* М., 1966. С. 92.
27. *Груньский М., Ковальов П.* *История форм украинської мови.* Харків, 1931. С. 62.
28. *Ваќ P.* *Słownictwo gwary okolic Kramaska na tle kultury ludowej.* Wrocław, 1960. S. 55.
29. *Szymczak M.* *Słownik gwary Domaniewka w powiecie Łęczyskim.* Cz. I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962. S. 49.
30. *Tomaszewski A.* *Gwara Łopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce.* Kraków, 1930. S. 67.
31. *Kellner Ad.* *Východolašská nářečí.* I. Brno, 1946. S. 138, 143.
32. *Nitsch K.* *Diallky polskie Śląska.* Cz. I. Kraków, 1939.

33. *Zaręba A.* Słownik Starych Siołkowic w powiecie Opolskim. Kraków, 1960. S. 61.
34. *Pluta F.* Dialekt Głogówecki. Cz. II. Wrocław, 1964. S. 65.
35. *Urbańczyk S.* Zagryś dialektologii polskiej. Wyd. 5. Warszawa, 1976. S. 45.
36. *Кочев Ив.* Гребенският говор в Силистренско. София, 1969.
37. *Попиванов Г.* Софийският говор // Сборник на Българската академия на науките. Кн. XXXIV. Клон. йст.-филол. София, 1940.
38. *Панайотов П.* Сливенският говор // СбНУ. Кн. XVIII. София, 1901. С. 517.
39. *Котова Н. В.* Морфология существительных и прилагательных в говоре Горно поле (юго-западная Болгария) // Славянская филология/Под ред. Бернштейна С. Б. М., 1973. С. 56—60.
40. *Шклифов Б.* Долно-преспанският говор. Принос към проучването на югозападните български говори. София, 1979.
41. *Шклифов Б.* Костурският говор. Принос към проучването на югозападните български говори. София, 1973. С. 12, 24, 60, 61, 148, 151, 156, 161.
42. *Пешикан М. Б.* Старопреногорски средьокатунски и лъшански говори. Београд, 1965. С. 134.